

УДК 398.222: 821.512.1
DOI 10.25205/2410-7883-2020-1-38-62

Сюжеты и мотивы о сотворении земли и человека в мифологии алтайцев

Н. Р. Ойноткинова

*Институт филологии СО РАН
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Анализируются сюжеты и мотивы алтайских мифов о сотворении земли и человека с привлечением сравнительного материала из фольклора народов, с которыми у алтайцев существовали тесные контакты в прошлом, в частности из русского и бурят-монгольского фольклора. Рассмотрены мотивы, характерные для этих версий: ныряние за землей; сотворение земли; сотворение человека; собака охраняет тело человека; осквернение тела человека; пролитый эликсир бессмертия; потерянный рай; свержение дьявола с неба; состязание божеств за первенство в правлении миром. В алтайской фольклорной традиции выделены две версии мифа о сотворении мира и человека: первая – дуалистическая (языческая), вторая – «буддийская». В дуалистической версии мифа главными персонажами выступают два божества – Ульген и Эрлик. В сюжете «буддийской» версии мифа в акте сотворения участвуют четыре брата-божества: Юч-Курбустан (Три Курбустана) и Эрлик. К этому сюжету присоединяется буддийская легенда о том, как состязались бодхисаттвы, для того чтобы победителю стать правителем мира.

Ключевые слова

мифология, мифы алтайцев, сюжеты и мотивы о сотворении земли и человека

Для цитирования

Ойноткинова Н. Р. Сюжеты и мотивы о сотворении земли и человека в мифологии алтайцев // Сюжетология и сюжетография. 2020. № 1. С. 38–62. DOI 10.25205/2410-7883-2020-1-38-62

Plots and Motives about the Creation of the Earth and Man in the Mythology of the Altaians

N. R. Oinotkinova

*Institute of Philology SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

The paper analyzes the plots and motives of Altai myths about the creation of the earth and man with the use of comparative material from the folklore of peoples with which the Altai

© Н. Р. Ойноткинова, 2020

ISSN 2410-7883
Сюжетология и сюжетография. 2020. № 1
Studies in Theory of Literary Plot and Narratology, 2020, no. 1

people had close contacts in the past, in particular from Russian and Buryat-Mongolian folklore. The motives characteristic of these versions are considered: diving behind the earth; creation of the earth; the creation of man; the dog protects the human body; desecration of the human body; spilled elixir of immortality; lost heaven; the overthrow of the devil from heaven; competition of deities for primacy in the rule of the world. In the Altai folk tradition, two versions of the myth of the creation of the world and man are distinguished: the first is dualistic (pagan) and the second is "Buddhist". In the dualistic version of the myth, the main characters are two deities – Ulgen and Erlik. In the plot of the "Buddhist" version of the myth, unlike the dualistic one, 4 deity brothers participate in the act of creation: Yuch-Kurbustan (Three Kurbustan) and Erlik. This story is joined by a Buddhist legend about how bodhisattvas competed in order for the victor to become the ruler of the world.

Keywords

mythology, Altai myths, plots and motives about the creation of the earth and man

For citation

Oinotkinova N. R. Plots and Motives about the Creation of the Earth and Man in the Mythology of the Altaians. *Studies in Theory of Literary Plot and Narratology*, 2020, no. 1, p. 38–62. (in Russ.) DOI 10.25205/2410-7883-2020-1-38-62

Идея создания Богом земли, человека и природы (животного и растительного мира) присутствует во всех мировых религиях. Мифы представляют картину мира, созданного в самом начале, во времена первотворения. Этиологические мифы о сотворении земли в фольклоре алтайцев имеют много общих сюжетов и мотивов, характерных для фольклора других народов. Общими считаются мотивы и сюжеты, повествующие о сотворении земли и человека. Цель данной статьи – выявить мотивы алтайских легенд о сотворении земли и человека. Материалом исследования послужили опубликованные¹ и архивные² тексты несказочной прозы алтайцев.

В фольклорной традиции алтайцев существуют две версии мифа о сотворении земли и человека: дуалистическая и буддийская. В дуалистической версии мифа творцами выступают два демиурга: Ульген (Ўлген) – божество Верхнего мира, и Эрлик – божество Нижнего мира. В алтайских легендах имя Бога варьируется: его называют Кудаем, Ульгеном, Юч-Курбустаном (Ўч-Курбустан). В сюжете «буддийской» версии мифа в акте сотворения участвуют четыре брата-божества: Юч-Курбустан (Три Курбустана) и Эрлик. Кроме того, к этому сюжету добавляется буддийская легенда о том, как состязались бодхисаттвы, для того чтобы победителю стать правителем мира. Этот сюжет распространен среди монголов и урянхайцев, о чем свидетельствуют легенды о Бурхыне-бакши, записанные Г. Н. Потаниным в Монголии [Потанин, 1883, с. 268].

Считается, что теоним Ўч-Курбустан происходит от согдийского Хурмазта; он был воспринят средневековыми уйгурами (а затем и монголами) как Буркан (от слова «будда») и иносказательно – Кайракан. Теоним Курбустан известен в фольклоре алтайцев, тувинцев, монголов. В фольклоре тувинцев Хурмас не является триединым. Главной же особенностью Курбустана в алтайской мифологии является его троичность, что указано в первой части имени – Ўч 'Три'. Триединое

¹ См.: [НПА, 2011; Потанин, 1883; Радлов, 1866; Вербицкий, 1893].

² Рукописные материалы Ф. Сатлаева и В. Диосеги.

божество выступает как единый образ. Юч-Курбустан – создатель и покровитель неба и светил, суши и воды, он посылает с неба души-зародыши человека и скота (*кут и сус*).

В дуалистической версии мифа главными персонажами выступают два божества – Ульген и Эрлик. В текстах также могут быть указаны имена всех их «сыновей», входящих в пантеон алтайских шаманов. Имена семерых «сыновей» Ульгена – Дьажаган, Кара-Кускун, Бокту-Каан, Дьайык, Каан-Дьаман, Каршыт, Кардыан. «Сыновьями» Эрлика являются Темир-Каан, Керелей, Батыр-Сокор, Эр-Теке, Абрам-Уул, Кара-Сокор [НПА, 2011, с. 66, 67]. Отсутствие имени у одного из семерых сыновей Эрлика, видимо, можно объяснить тем, что рассказчик просто забыл его.

Для космогонических мифов о первотворении основными являются следующие **мотивы**: ныряние за землей; сотворение земли; сотворение человека; собака охраняет тело человека; осквернение тела человека; пролитый эликсир бессмертия; потерянный рай; свержение дьявола с неба; состязание божеств за первенство в правлении миром.

Рассмотрим эти мотивы более подробно.

Мотив «ныряние за землей» (*жерди суунан чыгарганы*). Ранние тексты о сотворении земли и человека зафиксированы в книгах протоиерея В. И. Вербицкого «Алтайские инородцы» [1893] и В. В. Радлова «Образцы народной литературы тюркских племен» [1866].

В тексте В. И. Вербицкого, изданном на русском языке, как сотворить землю, Ульгену (Курбустану, Аакаю) подсказывает появившаяся из воды Аг-эне (букв. ‘Белая мать’): «Что придет тебе на мысль творить, скажи только: эттим, пютти деп – “сделал, свершилось, так и будет”; а не говори; эткеним пютпеди деп “что я делал, то бы не свершилось”. Сказав это, Аг-эне скрылась и более никогда никому не являлась... Ульген ощутил в себе мысль и произнес: “Э! Эр пютсин, эр пютсин! О! Сотвори землю, о, сотвори землю! И земля сотворилась...”» [Вербицкий, 1893, с. 111]. Отмечается, что во все дни творения мира Ульген находился на золотой горе и создал землю один в течение шести дней [Там же, с. 112].

Сюжет алтайского мифа о сотворении земли, опубликованного В. В. Радловым, начинается с эпизода о гусе, ныряющем на дно океана и приносящем оттуда частицу земли, из которой затем вырастает суша. Творцов земли два: светлое божество Кудай (Ульген) и темное божество Эрлик. Ульген ныряет не сам, а посылает гуся, отождествляемого с Эрликом (дьяволом): *Кудай учуп турган, пир кижипаза учуп турган, экилези кара кас полып учуп турган*. ‘Кудай летал, один человек тоже летал, оба, обернувшись черными гусями, летали’ [Образцы..., 1866, с. 225–232; НПА, 2011, с. 49].

В дальнейшем повествовании Ульген (Кудай) обращается к Эрлику как к человеку. В других текстах, в которых творцами выступают Ульген и Эрлик, ничего не сказано об их орнитоморфном образе [НПА, 2011, с. 66–84; тексты 2–3].

В мировой мифологии миф о ныряльщике за землей известен в разных вариантах. Роль ныряльщика выполняют разные виды уток, гусь или лебедь, ворон, черепаха, черви, ракообразные. В. В. Напольских была выдвинута гипотеза о североазиатском происхождении этого мифа: «В Северной Евразии уже в глубокой древности получили распространение специализированные варианты мифа о ны-

рянии за землей с птицами в основной роли, в которых старая идея об успехе последнего и более слабого ныряльщика была со временем реализована в противостоянии птиц типа гагары, нырявшей первой и неуспешно, и утки (разные виды уток, распространенный вариант – поганка, очень редко – гусь или лебедь), принесшей землю. Данный вариант мифа о нырянии получил краткое обозначение МНП₂» [Напольских, 2015, с. 360]. Выделение данного варианта мифа вполне объяснимо той ролью, которую играли эти птицы в космологических представлениях, складывавшихся, «как предполагается, более 6 тысяч лет назад у народов Средней и Западной Сибири, прежде всего – у предков уральских народов, а также в какой-то мере и у их ближайших родичей по языку – юкагиров и у соседивших издревле с уральцами тунгусо-маньчжуров (возможность вхождения в эту общность, названную североазиатским мифологическим союзом, САМС, какой-то части предков тюрков и сибирских предков американских индейцев также допускалась)» [Напольских, 2015, с. 361].

По мнению В. С. Кузнецовой, в основе сюжета восточнославянской легенды о сотворении земли и человека лежит древний евразийский сюжет. Исследователь видит специфику славянских легенд в синкретизме дуалистической модели мира с христианской. Так, «при соприкосновении первобытно-дуалистической модели мира, выраженной в двухперсонажной схеме мифологического рассказа, с представлениями и образами христианской мифологии на изначальное противопоставление двух орноморфных демиургов мифологического рассказа накладываются христианские образы Бога и Сатаны, также противопоставленные друг другу в христианской мифологии: одна из птиц начинает ассоциироваться с Богом, другая – с Сатаной» [Кузнецова, 1997, с. 58].

Ю. Е. Березкин считает, что время распространения северного варианта мифа о создании человека определяется наличием в нем манихейских мотивов. История его появления в Восточной Европе может быть сходна с историей появления мифа о ныряльщике за землей. Последний имеет глубочайшую древность [Березкин, 2012, с. 150]. Районы фиксации северных вариантов мифа об испорченном творении и собаке-стороже вписываются в североевразийский ареал «ныряльщика». На сибирском Северо-Востоке, у большинства народов Амуро-Сахалинского региона, а также у саамов нет ни «ныряльщика», ни «испорченного творения». Зато во многих североевразийских традициях, в частности у марийцев, мордвы, чувашей, ненцев, киренских эвенков, алтайцев, хакасов, шорцев, бурят и монголов, рассказ о творце, антагонисте и стороже прямо продолжает рассказ о возникновении земной суши, добытой со дна океана [Там же]. Исследователь полагает, что мотив ныряния попал к монголам поздно и не получил широкого распространения. В Сибири миф о ныряльщике бытовал с эпохи палеолита – иначе он не был бы принесен в области Северной Америки, находившиеся к югу от Лаврентийского ледника [Березкин, 2007; 2012, с. 151]. Широкая распространенность данного мифа свидетельствует о его архаичности. Поскольку выделяемые нами мотивы уже отражены в тематическом указателе мифологических мотивов Ю. Е. Березкина, мы ссылаемся на них и придерживаемся принятых формулировок мотивов.

Миф о ныряющей птице содержит в себе идею сотворения земли двумя божествами-антагонистами, олицетворяющими светлое и темное начала, добро и зло. Идея дуалистического начала мира, где противостоят друг другу две не-

зависимые равноправные силы – Свет и Мрак, принадлежит манихейству³, она существовала у аборигенов Урала, Сибири, Монголии в более ранние века, о чем свидетельствуют их широкая география, образы и персонажи.

В шаманской мифологии сибирских народов образы гагары, утки или гуся являются воплощениями духов-помощников шамана. Так, по мифологическим представлениям селькупов, гагары «могли общаться и с “небесным” миром, и с “подводным”, и с “подземным”. Верили, что шаман на своем “пути” часто превращается в гагару и, ныряя под воду, уходит от преследователя» [Басилов, 1984, с. 32]. Гагара чаще всего представлялась духом Нижнего мира. Так, «у северных якутов шаман посылал ее на разведку в царство подземных духов. Гагара доставала из больного духа-мучителя и помогала шаману выдворить его обратно в подземные сферы. Если якутскому шаману требовалось самому попасть в “нижний” мир, он превращался в гагару и нырял в океан» [Там же].

Во время камлания шаман призывал зооморфных духов-помощников, для того чтобы съездить в Верхний или Нижний миры. У алтайских шаманов духами-помощниками шамана являлись животные: гусь, сокол, беркут, верблюд, медведь. В тексте обряда камлания Ульгену, опубликованном В. И. Вербицким, шаман после призывания духов-покровителей, Кергыдая, Кан-Каршита, Кызы-кана, Мерген-кана, выходит из юрты и садится на чучело, изображающее гуся. Шаман поднимется на гусе в Верхний мир, чтобы доставить жертвенного коня Ульгену [Баскаков, Яимова, 1993, с. 25]. В призывании Чудьука говорится, что помощниками *кама* являются беркут и сокол: *Ала шонкор эр алдыма акшыгай. Поро муркүт эки ийниме шыгыгай*. ‘Пусть кричит предо мной пегий сокол. / Пусть выпускает звуки серый беркут’ [Анохин, 1924, с. 68].

Сама идея добычи почвы со дна океана гусем, помощником светлого божества Ульгена – Эрликом, является языческой, отражающей дуалистическое мировоззрение о сосуществовании бога и дьявола, светлого и темного, добра и зла. Поэтому именно эта шаманская мифологема позволяет считать этот миф исконно сибирским.

Мотив «сотворение земли» (*жердин бүткени*). В начале времен два персонажа соревнуются в создании земли и людей. Один из них нередко является или становится хозяином Нижнего мира. В классификации Березкина это мотив «В1. Двое создателей» [Березкин, 2017].

В мифах алтайцев земля – *жер* – изначально была сотворена из пустоты, т. е. хаоса:

Жер пүткелекте ончо суу полды, жер де жок, тенгери де жок, ай-күн де жок.

‘До сотворения земли всюду была вода, ни земли не было, ни неба не было, ни луны-солнца не было’ (бл. 1 текста 1);

Ўлген ле Эрлик журтап турарда, жердин үстинде тенгери жок болгон эмтир. Жердин бойы да жок болгон дежет. Жердин үсти ле жердин бойы жок болгон эмтир, жангыс ла суу.

‘Когда Ульген и Эрлик жили, над землей неба не было, оказывается. И самой земли не было, говорят. Поверхности земли и самой земли не было, оказывается, только вода’ (бл. 1 текста 2) [НПА, 2011, с. 48–49, 66–67].

³ Манихейство достигло Сибири, вероятно, в период согдийской колонизации вдоль Великого Шелкового пути [Кызласов, 2001].

По просьбе Ульгена Эрлик достает со дна океана почву, но пытается утаить во рту часть земли:

Суудын түбүнө түшкөн, пойынын сагыжыбыла эки колына тоброк алган, пир колбыла кудайга экелип перген, пир колбыла уузуна тоброкты суккан, жажырып Кудайдан: «Пойым јер эдедим» – теп, чыгып келген. Јангыс колындагы тоброкты Кудайга перген, оны Кудай алган, чачыб ийген. Онын сөзүбиле јер калыг полгон...

‘Под воду спустился, по своей задумке в обе горсти земли взял, [землю] из одной горсти Кудая отдал, из другой горсти землю во рту спрятав, утаив от Кудая, подумав: «Сам себе землю сотворю», – [из воды] поднялся. Землю из одной горсти Кудая отдал, Кудай ее взял, разбросал. По его слову земля стала твердой’ [НПА, 2011, с. 48–49, 50–51].

В приведенном эпизоде не указывается, какой рукой Кудай разбрасывает землю. В славянских же текстах эта деталь имеет важный символический подтекст, связанный с понятиями «хороший – плохой», «свой – чужой»: «Бог же взял из правой руки Сатанаила землю в свою правую руку и разбросал ю (ее) по воде, и на том месте выросла земля русская; землю же из левой руки Сатанаила Бог взял в свою левую руку и тоже разбросал по воде, и выросла земля неверная, на которой находятся другая государства» [Белова, Кабакова, 2014, с. 30–32]. Как в русских [Там же, с. 50, 52, тексты 32–38], так и в алтайских мифах, горы, болота образовались от горстей земли, разбросанных дьяволом, или в результате выплевывания дьяволом земли.

В алтайской легенде «Как образовалась земля-мох» данный мотив выражен в следующем эпизоде:

Кижиде дезе суунын түбине једеле, анда тӧнӧзӧктӧ јерлерди кӧрӧп, онон кодо-рып алып, оозына тыктап алды. Суудан чыгып келеле, Улгеннинг алаканына бакырып, тӧгӧп ийген эптир. Улген-кудай јескинген бойынча, байагы јерди јер сайын чачып ийген турды. Је јер бӱтпей, тӱс јерлӧ боло берген, а тӱс јондӧ ле јер бӱде берген турды. Кижининг оозында суулула тобрак тиштердин ортозында артып калган болгон.

Кижиде Улгеннинг кийининг ары ол тиштердин ортозында суулу тобракты оостонг чыгара быркырып ийген турды. Ол быкырган тобрактан улам байагы тӱс кыртышту јердин бир кезиги састу јер боло берди.

‘Человек же, до дна воды добравшись, там кочковатую землю увидел, оттуда [немного] набрал, в рот себе набил. Из воды вынырнув, Ульгену на ладонь ее выплюнул, высыпал, оказывается. Ульген-кудай, побрезговав, эту землю повсюду раскидал. Ну и появилась земля, ровная земля стала, и так ровная земля-мох появилась. У человека во рту мокрая земля между зубами еще оставалась. Человек вслед за Ульгеном между зубов [оставшуюся] мокрую землю изо рта выплюнул. Из той выплюнутой земли на части ровной поверхности болотистая земля образовалась’ [НПА, 2011, с. 68–69].

Данный эпизод устойчиво сохраняется и в другом тексте – «Сотворение земли и человека» [Там же].

Таким образом, неровности на земле появились из плевков Эрлика. Гора, объект почитания в языческой шаманской традиции тюркских народов, представлена как творение дьявола. По другой версии, горы и другие неровности появились от осколков неба Эрлика, сброшенных с неба на землю:

Сюжет в литературе и фольклоре

Ол чактан озо таш жок полды, кайа жок полды, тайга жок полды. Эмди Эрликтин тенгеризинин одылганы жерге түшкен, ончо кайа полгон, таш полгон, тайга полгон, кандый пийик туу, кыр ончо полгон, жакшы кудайдын түп-түс эткен жерди ончо жаман пүдүп парган.

‘До того века камня не было, скал не было, тайги не было. Теперь осколки неба Эрлика на землю упали, все скалами стали, камнем стали, тайгой стали, некоторые высокими горами, хребтами стали. Хорошая земля, которую Кудай ровной-ровной сделал, вся испортилась’ [НПА, 2011, с. 60–61].

В алтайском мифе ласточка (*карлагаиш*) подсказывает Кудая, как разровнять землю:

Ол байагы тәндү састу жерди ары-бери базып, аҗыктап турганча, канады кейди кайчылап, кара-өлө карлагаиш учуп келген турды. Карлагаиш өлгенге жаба једип келеле, оозынан тобрак чыгара чачты. Ол чаккан жерден јердин јүсти јараи болуп түзелип, байагы састары астай берген турды. Улген, мыны көрүп, тын сүгүнди.

‘Пока ходил, ту холмистую болотистую землю осматривая, крыльями воздух разрезая, черно-пегая ласточка прилетела. Ласточка, до Ульгена долетев, из клюва землю бросила. От этой брошенной земли поверхность земли красиво выровнялась, тех болотистых мест меньше стало. Ульген, это увидев, очень обрадовался’ [Там же, с. 70–71].

После того, как Эрлик обманом, утаив землю во рту, создал неровности на земной поверхности, Бог, обратившись к Эрлику, сказал, что он теперь грешен, и люди, последующие за ним, также будут грешными:

Эмди сен килинчекте! Сен мее жаман санадын, сее паккан алматтынын ичиндеги санаазы андый жаман полор! – теди. – Мее паккан алматтынын санаазы ару полор! Алар күн көрөр, алар жарык көрөр! Чын Курбустан теп адалган полоттоном, сенин адын Эрлик ползын! Меннен килинчегин јажырған кижји сенин Эрликтин кижизи ползын! – теди. – Сенин килинчегинди јажырған кижји менин кижим ползын! – теди.

‘Теперь ты грешен! Ты обо мне плохо думал, у народа, подвластного тебе, мысли будут такими же плохими! – сказал. – У народа, подвластного мне, мысли будут чистыми! Они [мои люди] солнце увидят, они свет увидят! Истинным Курбустаном буду зваться, твое же имя будет Эрлик! Человек, утаивший от меня свой проступок, пусть будет твоим, человеком Эрлика! – сказал. – Человек, утаивший от тебя свой проступок, пусть будет моим человеком! – сказал’ [Там же, с. 50].

Назидательный контекст имеет также эпизод, раскрывающий причину изгнания Эрлика с небес. Так, в тексте «*Төрт карындаш жерди јайаганы*» («Сотворение земли четырьмя братьями») старший брат, спрятав во рту землю-ил, утаил это от младших и стал срастаться с землей и затем опускаться под землю. Когда он, по совету братьев, выплюнул остатки грязи-ила, на ровной поверхности земли появились кочки. Оттого младшие не захотели давать ему земли, но в конце концов отдали ему землю с кончик посоха. Получив землю, старший брат посохом сделал дыру в земле, и оттуда вышли заразные болезни. Четыре брата состязались: у кого в чашке вырастет золотой цветок – тому быть творцом. Три младших брата похитили золотой цветок у старшего, так как цветок вырос только в его чашке. Они стали Юч-Курбустанами, старший брат – Эрлик-абы ушел под землю [Там же, с. 409].

Таким образом, мотив «сотворение земли» – устойчивый элемент алтайских дуалистических легенд о сотворении земли. Земля была сотворена двумя божествами – Ульгеном и Эрликом. С мотивом порчи земной поверхности связана идеология, объясняющая появление греха на земле по вине темного божества.

Мотив «сотворение человека» (кижинин бѳткени). После сотворения мира Бог по своему подобию решил создать человека: «И навел Господь Бог на человека крепкий сон, и когда он уснул, взял одно из ребер его, и создал из ребра жену» (Быт. II, 20–25)⁴.

В легендах разных народов человек создается из различных материалов. Наиболее распространенными в алтайских текстах являются глина и земля. Однако встречаются и другие варианты. Так, в версии, опубликованной Г. Н. Потаниным, Ульген сделал тело человека из земли, кости – из камня, женщину – из ребра мужчины [Потанин, 1883, с. 218–219, текст 46а], в версии В. И. Вербицкого кости человека – из камыша, тело – из глины [Вербицкий, 1893, с. 111–123]. В другом варианте мифа тело человека слепили из мягкой глины, кости – из мягкого камня.

Анайып, ол кижини јымжак той балкаштан јапшырып, бѳдѳрип алган эмтир, сѳѳк-тайагын чала јымжак таиштан эткен турды. Бу мынызын эр кижини деп эткен эмтир. Онон ол ого коштой ѳй кижизин эдерге сананган эмтир. Оны анан той балкаштан јазады, сѳѳк-тайагын ол ок јымжак таиштардан ла этти. Экилезин тѳктѳ эткен: «Кижини соокко эн ле чыдажар учурлу» – деп, ол бойында сананган.

‘Так, он, человека из мягкой глины слепив, создал его, оказывается, кости-стан же его из мягкого камня сделал. Вот этого [человека] мужчиной сотворил, оказывается. Потом [кудай] для него женщину сделать решил, оказывается. Затем ее из глины слепил, кости-стан ее он из мелких мягких камней сделал. Обоих с волосами сделал: «Человек даже сильный холод выдерживать должен», – так про себя подумал’ [НПА, 2011, с. 90, 91].

Общеизвестно, что в Библии содержится рассказ о создании богом мужчины из праха и дыхания жизни, а жены – из его ребра (Быт. 2, 5, 7, 18–24). Современные алтайские рассказчики, знающие библейский сюжет, рассказывают именно его:

[Кудай] кижиди балкаштан туткан на ол. Ойndo сагышту кудайда тѳнгей болор этире јайаган на, ойndo оозындан ѳрийерде, тын кирген. Ойndo кабыргазынан, бир кабыргазынан ѳй кижиди јайаган, кожо јѳрер, ару јѳрер јайаган. Райга јѳрер эткен, райга барала, уурданган. Јылан, јыланга мекеледеле, уурданала, јибес кат јѳйле, сѳрдирген јок по.

‘[Кудай] ведь человека из глины сотворил. Затем, чтобы он был умным, как он сам, Кудай, сотворив, тростинкой ему в рот воздух вдунул, в него душа-тын вошла. Затем из ребра, из одного его ребра женщину создал, чтобы им вместе жить, без греха жить, создал. [Кудай человека] в раю жить создал, в раю живя, [человек] провинился. Когда [человек] был обманут змеем, съел запретный плод, он был изгнан из рая’ [НПА, 2011, с. 90–91].

Как и в библейской легенде, здесь творец один.

В древности существовали народные легенды о сотворении человека. В легенде, опубликованной В. И. Вербицким, отмечается: «Сначала бог сотворил дьявола и своих помощников-ангелов, лишь затем – людей. Первой разумной тварью

⁴ Здесь и далее цит. по: [Библия..., 1991].

на земле, которую создал Ульген, был Эрлик. Когда он все больше отдалялся сердцем от Ульгена, на место Эрлика божество создало себе друга, богатыря Мангды-Шире (Мангдышире). Затем он сотворил 8 человек, кости из камыша, а тело из глины. 8-й человек сотворил себе по своему подобию женщину, чтобы люди размножались... И начал творение женщины так же, как Ульген творил его самого: из камыша – кости, из глины – тело» [Вербицкий, 1893, с. 111–123].

В тексте наблюдается влияние буддийского пантеона божеств. При сопоставлении сюжетов о сотворении земли и человека, опубликованных Радловым и Вербицким, с аналогичными сюжетами русских легенд оказалось, что функции Мангдышире схожи с функциями архангела Михаила.

В дуалистических легендах, широко распространенных у других групп алтайцев, душу в человека внедряет Эрлик, он с помощью тростинки вдвует ее через задний проход:

Эрлик барала, кайдан да комургай сындырып эжелди. Ол онын бир учун јерде коштой јаткан эки кижинин, озо бирүзинин кӧдӧнинин үйдине сугала, јаагы бултайганча үрүп ийерде, ол кижиге тын кире берди. Онон ол экинчи кижинин кӧдӧнине сугала, учын база да үрүп ийген турды. Экинчи кижи тынданып келген турды.

‘Эрлик пошел, где-то тростинку сорвав, принес. Один ее конец он сначала одному из двух лежащих рядом на земле людей в задний проход всунул, когда, щеки надувая, стал дуть [в тростинку], в этого человека душа-тын вошла. Потом он, второму человеку в зад конец [тростинки] всунув, так же в него подул. Второй человек ожил’ [НПА, 2011, с. 72–73].

Согласно мифу, создав тела людей и оставив собаку охранять их, творец отлучился. По указателю Е. Ю. Березкина, этот эпизод составляет мотив «Н42. Творец отлучается. Создав тела людей или замыслив творение, творец или его представитель на время уходят. Другой персонаж по злему умыслу или неумению портит или пытается испортить результаты работы, сам создает то, что творец сделал бы лучше». Это объясняет, почему люди смертны или подвержены болезням.

В некоторых легендах сюжет о первотворении контаминируется с сюжетом о потопе. Это характерная черта некоторых «библейских» легенд [Белова, 2006, с. 273]. Эсхатологическая идея о возрождении и обновлении мира после мировых катаклизмов характерна для всех мировых религий. В легендах утверждается мысль о том, что после потопа мир и человек были сотворены почти заново. Так, в легенде, записанной у кумандинцев, землю и человека два *кудая* сотворили после потопа⁵. К сожалению, в нашем распоряжении имеется лишь переводной текст на русском языке. В повествовании содержатся интересные вставки-факты, например, о том, что дьявол, нырнув под воду за землей, пробыл там трое суток.

Мотив «собака охраняет тело человека». Мифологический мотив о собаке, сотворенной божеством для того, чтобы она охраняла тело человека, присутствует у многих народов. По указателю Ю. Е. Березкина, сюжеты мифа о первотворении с собакой составляют мотив «Н40. Собака охраняет человека. Собака охраняет, защищает (успешно или безуспешно) недоделанную творцом окончательно фигуру человека». А также мотив «Н41. Собака предаёт человека. По вине собаки

⁵ Полевые материалы экспедиции, собранные в 1964 г. В. Диосеги и Ф. А. Сатлаевым // Архив сектора фольклора Института филологии СО РАН. Зап. № 15. С. 24–25.

человек слаб, смертен, порочен». Согласно мифу, Абака имела ангельское происхождение, но из-за пособничества дьяволу она стала нечистым животным. В наказание за предательство собаку отдали служить человеку.

Согласно мифу, собака охраняла тела людей после их создания. Антагонист подкупает сторожа шубой, подходит к фигурам людей и плюет на них, из-за чего люди теперь подвержены болезням и смертны. Вернувшийся творец выворачивает тела наизнанку, дабы нечистоты остались внутри, а собаку наказывает: теперь она обязана служить человеку и питаться отбросами.

В тексте «Великий Пайана» («Улу Пайана»), опубликованном В. В. Радловым, этот мотив выражен следующим образом: «В давние-давние времена великий Пайана сотворил человека, вот только душу не мог найти, оказывается. Пошел к великому Кудая, чтобы выпросить у него душу» [Радлов, 1866, с. 262].

В тексте А. В. Анохина сказано: «Сотворив тело человека, творец поставил собаку и кошку сторожить его, а сам ушел искать человеку душу...»⁶ [НПА, 2011, 407–408, вар. 3 текста 2].

В алтайских текстах указывается причина предательства собаки: у нее не было шерсти. Дьявол обещает дать ей золотую шерсть, «теплую шубу», неубывающую-нескончаемую пищу (Эрлик дал собаке мясо [Радлов, 1866, с. 262]). В других текстах Эрлик собаке обещает дать пищу, шерсть. Под неубывающей-нескончаемой пищей за холмом имелось в виду дерьмо, а под нервущейся-неизнашиваемой одеждой – шерсть [НПА, 2011, с. 85].

Согласно мифам алтайцев, собака стала другом человека после того, как она подпустила дьявола к телу только что созданных людей, тогда Кудай, прокляв, собаку прогнал: «Живи у порога человека. Из рук человека питайся» [НПА, 2011, с. 411; вар. 1 текста 4]. В славянских легендах обращается внимание на другие мотивы, характеризующие это животное: «Почему собаку в дом не пускают», «Отчего слюна погана и собака – нечистый зверь», «Из чего сделана собака» [Белова, Кабакова, 2014, с. 129–130].

Об архаичности данного сюжета свидетельствует существование этого мифа в устной традиции зороастризма. Создав первочеловека Гайомарда, Ормузд поручил семи мудрецам охранять его от Ахримана, но те не справились с задачей. Тогда Ормузд поставил сторожем пса Zargīngōš («желтые уши»), и с тех пор этот пес охраняет от демонов идущие в иной мир души. В «Авесте» такого сюжета нет, но это не исключает возможности его раннего бытования в устной традиции [Березкин, 2012, с. 147].

Этот сюжет известен русским центральной и северной губерний Европейской России, украинцам, удмуртам, марийцам, мордве, чувашам, манси, ненцам, западным эвенкам, якутам, алтайцам, хакасам, тофаларам, бурятам. В вариантах, бытующих в Восточной Европе и Сибири, собака не справилась с поставленной задачей, а на юге Евразии – она сумела защитить человеческие тела [Березкин, 2012, с. 147]. В мифах, записанных в Индии, а именно у народов мунда, дардов Гиндукуша и абхазов, собака защитила человека от лошади, когда та пыталась его уничтожить. В монгольской (точнее, ойротской) версии вместо лошади выступает корова [Там же, с. 144]. В мифе, записанном в Индии, Бог лепит из глины фигуры

⁶ Полевые записи, сделанные в Бийской и Томской губерниях // Архив МАЭ. Ф. А. В. Анохина II. Оп. 1. Д. 27.

мужчины и женщины и оставляет сохнуть. Лошадь или две лошади, нередко крылатые, разбивают фигуры. Творец создает собаку или двух собак, которые отгоняют нападающих. Лошадь была наказана: она лишается крыльев, и Творец отдает ее на службу человеку [Березкин, 2012, с. 146].

Мотив «осквернение тела человека» (*кижнини үреҗени*). По указателю Березкина это мотив «Н43а. Оплеванные фигуры. Создав тело человека, творец отлучается. В это время его противник оплевал еще не ожившую фигуру, вымазал ее грязью и т. п.». Здесь эпизод с собакой – обязательная составляющая большинства славянских текстов; ср. апокриф «Сказание, как сотворил Бог Адама» (собака-сторож, осквернение тела человека) [Белова, Кабакова, 2014, с. 433].

В алтайской легенде о сотворении земли и человека, опубликованной В. В. Радловым, первых мужчину и женщину в райском саду, по просьбе бога Ульгена, сторожат собака и змей, в других текстах («Сотворение земли и человека», «Как образовалась земля», «Бырдан, Эрлик и собака», «О том, как творцы разошлись» и др.) – только собака.

Так, в тексте, записанном на чалканском диалекте алтайского языка, Кудай, сотворив человека, искал способ оживить его. Тогда он сотворил собаку без шерсти. Оставив человека с собакой, Кудай уходит искать способ оживить его. В отсутствие Кудая приходит *азе* (дьявол, нечистый, злой дух) и обманом пытается пробраться к человеку. «Обещая собаке теплую шерсть, *азе* пробирается к человеку и обмазывает его слюной и харкотинной, затем, сунув в задний проход человека тростинку, дует в нее и так оживляет человека» [НПА, 2011, с. 406].

В тексте, опубликованном В. И. Вербицким, Бог «вдохнул душу в женщину через ее оба уха, играя на железной трубе». Приведем отрывок из текста:

Когда этот человек ушел, чтобы встретиться с Ульгеном, чтобы узнать, как оживить ее, женщину сторожить осталась собака, которую Ульген отправил к нему с письмом в зубах, где сообщалось, что Ульген называет его Майдере и передает право заведовать всем. Когда Майдере ушел за советом к Ульгену, пришел Эрлик, и он, обманув собаку тем, что он даст ей теплую одежду и пищу, *вдохнул душу в женщину через её оба уха, играя на железной трубе*. Майдере, вернувшись, замечает, что сотворенная им женщина ожила, тогда он прокладывает собаку [Вербицкий, 1893, с. 114–115].

Детали оживления человека могут отсутствовать, как в легенде «О сотворении мира и человека», где мотив об осквернении тела человека заменяется краткой фразой «вдохнул в них жизнь»:

... Ульген сотворил мужчину и женщину, приставил собаку без шерсти охранять их и ушел искать для них душу. Эрлик пообещал собаке дать ей шерсть и пищу, если она подпустит его к людям, и вдохнул в них жизнь [Потанин, 1883, с. 218–219, текст 46а].

В тексте «Великий Пайана» («Улу Пайана») дьявол оплевывает тело человека:

В давние-давние времена великий Пайана⁷ сотворил человека, вот только душу не мог найти, оказывается. Пошел к великому Кудая, чтобы выпросить у него душу. Собаку оставил сторожить человека. Затем пришел Эрлик и пообещал ей дать золотую шерсть, взамен же попросил отдать ему человека, у которого еще нет ду-

⁷ Одно из названий божества, дух-покровитель – слуга Ульгена.

ши. Та собака, думая взять золотую шерсть, отдала человека. Эрлик пошел, плюнул на человека. Прибыл Кудай, чтобы дать человеку душу. Эрлик убежал. Кудай увидел, как Эрлик оплевал человека, но не смог его очистить от плевков. Тогда Кудай вывернул человека. Поэтому у того на животе остался плевок. После этого Кудай стал бить собаку, говоря: «Ты плохой собакой будь! Пусть человек с тобой поступает так, как угодно ему!» [Радлов, 1866, с. 262].

Мотив выворачивания человеческого тела наизнанку Богом или дьяволом известен в русском, белорусском, украинском и финском фольклоре. В славянских легендах «обычно тело человека выворачивает наизнанку Бог» [Белова, Кабакова, 2014, с. 420].

В русском переводе текста, зафиксированном в начале XX в. у кумандинцев и хранящемся в архивном фонде А. В. Анохина, прослеживается иной мотив, объясняющий, почему кошка и собака стали нечистыми животными:

Сотворив тело человека, творец поставил собаку и кошку сторожить его, а сам ушел искать человеку душу. Они никого не подпускали к нему. Тогда бес сказал собаке: «Я дам тебе шкуру, дам пищу, от которой с голоду не умрешь». Кошка уже была с шерстью. Дьявол оплевал, обмарал харкотиной тело человека. Кошка не пускала дьявола, тот оплевал кошке рот, она захлебнулась и замолчала. Творец пришел и увидел: дьявол оплевал человека и ушел. Тогда оплеванную наружную сторону тела человека создатель сделал внутрь; человек бывает чахоточным. Дьявол наплевал кошке в пасть, от этого она стала поганой. У собаки шерсть поганая, вонючая, а пасть чистая⁸ [НПА, 2011, с. 407–408; вар. 3 текста 2].

В анализируемом алтайском тексте мотив осквернения тела человека сохраняется: Бог вывернул человека, но в животе у него остался плевок.

К мотивам «собака-сторож» и «осквернение тела человека» примыкают этиологические мотивы «Н6В. Пролитый эликсир бессмертия», объясняющий происхождение вечнозеленых деревьев и почему человек стал смертным, а также мотив «Н36F. Ворон – неудачный посланец. Ворон послан отнести важный предмет или передать сообщение. В итоге он искажает сообщение или теряет доверенное ему». Ю. Е. Березкин отмечает: «...мотив ворона, пролившего эликсир бессмертия на деревья вместо того, чтобы принести его человеку, и другие мотивы, противопоставляющие воронов людям как бессмертных смертным или характеризующие их как виновников смертности человека, в Евразии и в южных областях Старого Света почти не известны» [Березкин, 2013, с. 68].

В алтайском варианте на поиски эликсира Юч-Курбустан отправляет ворона. Ворон летел, набрав в «клюв воды, но, увидев по пути падаль, каркнул. Вода пролилась, брызги упали на деревья – на кедр, ель, можжевельник, ставшие после этого вечнозелеными» [НПА, 2011, с. 411; вар. 3 текста 4].

В тексте, записанном от сказителя Т. А. Чачиякова, сохраняется также эпизод, когда Эрлик возвращается на землю после того, как три брата его ушли добывать средство для оживления созданного им человека.

Обманув собаку, Эрлик пробрался во дворец, вселил в голых людей душу и дал всякой разной еды, принесшей им всякие заразные болезни. В сюжет легенды встраивается сюжет о вороне, летевшей с живой водой, который встречается и в ал-

⁸ Полевые записи, сделанные в Бийской и Томской губерниях // Архив МАЭ. Ф. А. В. Анохина II. Оп. 1. Д. 27. Текст записан на кумандинском и русском языках.

тайских сказках. Уч-Курбустаны, найдя живую воду, налили ее в клюв вороны. Ворона летела, набрав целебную воду. Эрлик же, разузнав об этом, отправился навстречу ей, перевоплотившись в дохлую скотину, с разорванным нутром-брюхом, растекающейся кровью и потрохами, слег. Увидев ее, ворона спустилась на землю, захотелось поклевать, но в ее клюве была целебная вода. Целебная вода изо рта выплеснулась. Она выплеснулась на дерево-кедр и куст можжевельника. С тех пор как на них была выплеснута целебная вода, кедр и можжевельник стали зелеными, летом-зимой не меняют своего цвета [НПА, 2011, с. 82, 85].

В варианте, рассказанном Т. А. Чачияковым, рассматриваемый мотив завершает все мотивы, характерные для легенды:

Юч-Курбустан построил дворец, поместил человека в жилище и поставил собаку сторожить его. Собака же подпустила Эрлика к человеку за то, что тот обещал дать ей шерсть. Эрлик соблазнил людей, они съели плоды (яблоки и др.), в которые он вложил болезни. Оттого, что люди съели плоды, у них появились болезни. Эрлик вселил в человека душу, взял его *сюне*, а собаке дал шерсть и пищу в виде испражнений человека. В Верхнем мире Юч-Курбустан добыл воду и отправил ворона доставить ее народу. Но ворон по пути соблазнился падалью (в которую перевоплотился Эрлик-бий) и пролил воду, отчего появились вечнозеленые деревья. Эрлик-бий решил жить под землей, сделал себе землю, моря, стал обладателем душ верблюда, яка, свиньи. После этого он ушел под землю. Тогда Курбустан сказал, что живые люди будут в его ведении, а мертвые – в ведении Эрлика [НПА, 2011, с. 409; вар. 2 текста 3].

В легендах о сотворении мира и человека также повествуется о сотворении растительности на земле.

Божество бросило вечную душу (живую воду) на деревья – появились вечнозеленые деревья. Быркан-кудай из Верхнего мира создал кедр, а Абы-быркан из Нижнего мира, подражая ему, создал ель. Абы-быркан создал колючки (желтые и красные), создал *кёрмёса*, а верхний быркан – крыжовник. Верхний быркан создал коня, овцу, Абы-быркан – верблюда, корову⁹ [НПА, 2011, с. 410; вар. 3 текста 3].

По мифам алтайцев, крыжовник создан богом Верхнего мира. В народе существует поверье, что злые духи боятся колючек, поэтому колючие ветки люди развешивают у двери, для того чтобы злой дух не мог пробраться в жилище человека.

В другом тексте старший брат – Эрлик-быркан, средний – Ульген-быркан, самый младший – Курбустан-быркан, увидев, что на земле темно, решили сотворить все живое на земле: растительность, рельеф, человека, собаку.

Сначала они сотворили рельеф и растительность, а затем животных. Старший брат Эрлик-быркан и средний Ульген-быркан стали искать травы-лекарства. Собрал травы, смешав их с глиной, животных сделали. Средний брат коня сделал. Спину-круп его ровной сделал. Старший брат тоже коня сделал, только спина у него сгорбленной получилась, шея – кривой.

Младший брат привез из земли Великого Ульгена-кудая настоящую живую воду с мужской силой, которая может вселить душу-*тын*, дает прорасти шерсти [на теле]. Целебной живой водой он в животных вселил душу-*тын*. Только один-

⁹ Бырканы (Быркандар). – Зап. И. Б. Шинжин в 1987 г. в с. Экинур Усть-Канского р-на РА от Э. Т. Тадыкиной, 74 года, из рода *тодош*. Архив ИА РА. ФМ № 399, тетр. 1 (8).

единственный человек остался без души-тын. Курбустан отправляется на поиски живой воды.

Когда Курбустан-быркан вернулся, [увидел] – Эрлик, оживив человека, унес его душу-сюне. Младший брат Курбустан-быркан вечную душу-тын на растения бросил. Кедр, ель, сосна с вечной душой летом-зимой неувядающими остались стоять [НПА, 2011, с. 99].

Таким образом, легенды о сотворении человека включают несколько устойчивых мотивов: «предательство собаки», «осквернение тела человека», «пролитый эликсир бессмертия», к ним примыкает ряд взаимодополняющих этиологических мотивов, объясняющих появление вечнозеленых деревьев, а также почему люди стали смертными.

Мотив «потерянный рай», или мотив «Н56. Запретный плод: люди становятся смертными. Съев определенную пищу, первые люди становятся смертными либо утрачивают человеческую природу» (ср. мотив F97 (люди становятся сексуально зрелыми), по мнению Ю. Е. Березкина, является объяснением того, почему человек становится смертным. У народов Сибири и эскимосов Аляски с помощью этого мотива подчеркивается обретение людьми сексуальной зрелости либо утрата ими волосяного или кожного покрова на теле (мотив F97) [Березкин, 2013, с. 53].

Мотивы «жизни первых людей в раю» и «потерянного рая» создают образ «золотого века», имеющегося в индийской, иранской, вавилонской, иудейской, греческой, ацтекской, скандинавской и некоторых других мифологиях [Мелетинский, 2006, с. 222]. Мифологема жизни человека в раю выражает идею о вечной жизни первых людей, а мифологема «потерянного рая» – идею о становлении человека смертным. В алтайском мифе наряду с причиной смертности человека объясняется причина его греховности.

В Библии сказано, что «человеку было дозволено вкушать плоды от всякого дерева в Эдемском саду, только от дерева познания добра и зла под страхом смерти ему было запрещено есть от него. Адам нарушил заповедь божия, увлеченный женой, которая, прельщенная змеем, вкусила от плода дерева» (Быт. III, 15).

В алтайской легенде запретный плод привел людей к ослушанию, в результате чего с них сошла нательная шерсть и у них появился стыд. Первые люди, которых зовут Тёрёнёй (от *törö* = «рожать») и Эдьий (ср. Ева, алт. *эне* 'мать'), нарушили запрет Кудая есть плоды от дерева. Кудай под одно дерево пустил собаку, под другое – змея, для того чтобы они никого не подпускали к этим людям. Эрлику не удалось уговорить Тёрёнёя попробовать плод, тогда он вошел в уснувшего змея, который обязан был сторожить людей, и в облике змея стал уговаривать Эдьий съесть плод. Эдьий, попробовав плод, сорвала еще один и его соком намазала рот Тёрёнёя. В результате этого с них сошла шерсть, и они стали стыдиться друг друга [НПА, 2011, с. 52–53]. В данном эпизоде актуализируется мотив происхождения греха: с тех пор люди стали стыдиться своей наготы и совершать грехи. Библейский образ рая и древа жизни в нем стал устойчивым, одним из центральных символов мировой традиции.

После ослушания мужчины и женщины Кудай определяет их участь: быть смертными, но продолжать жизнь через детей, рожденных ими. Продолжение жизни олицетворяют выросшие на дереве девять ветвей, по количеству ветвей Кудай определяет, сколько детей может человек родить за свою жизнь.

Сначала выросло дерево без единой ветви. Увидел Кудай это и, подумав, сказал:

Янгыс пудагы жок агаи өзүп келген, оны Кудай көрдү. – Пудагы жок янгыс агаи-ка көрөргө эби жок! – теп айткан. – Поо тогус пудак ползын! – теди. Тогус пудак өстү. – Тогус пудактын төзине тогус кижги ползын! Ол тогус кижиден тогус нашка аймак бссүн! – теди.

‘Без единой ветви дерево выросло, Кудай это увидел. – На дерево без единой ветви неприятно смотреть! – так говорит. – Пусть на нем девять ветвей будет! – сказал. Девять ветвей выросло. – На девяти ветвях девять человек пусть сидят! От этих девяти человек девять разных аймаков пусть пойдут! – сказал’ [НПА, 2011, с. 51].

Символика числа *тогус* ‘девять’, как известно, в религии и космологии разных народов связана с гармонией и идеей иерархии.

Поучительны сказанные Кудаем слова, утверждающие основной принцип христианского жития:

После этого Кудай Тёрёнёу говорил: Плоды *кёрмёса* ел, моих слов не послушал, слова *кёрмёса* послушал. Теперь человек, послушавший слов *кёрмёса*, на земле *кёрмёса* окажется. Человек, не послушавший моих слов, моего света не увидит, моего добра не получит, пусть в темноте живет! Теперь *кёрмёс* мне врагом стал, *кёрмёс* тебе, Тёрёнёй, тоже врагом стал. Теперь пищу *кёрмёса* не ешь, если мое благословение получишь, если моих слов будешь слушаться, когда-нибудь ты, как я, [вечно] будешь жить, девять сыновей, девять дочерей пусть у тебя родятся. Благословение *кёрмёса* ты получил, плоды *кёрмёса* ты ел, я теперь людей создавать не буду, пусть от тебя самого люди родятся! – сказал [НПА, 2011, с. 57; текст № 1].

Изначально человеку была определена длинная жизнь, но ее сокращение произошло после того, как первые люди утратили свою чистоту и стали грешными:

У некоторых из тех животных, которые не следовали словам *кудая*, жизнь короткой становилась, жизнь хороших [животных], которые слушались [*кудая*], стала долгой, оказывается. Да и жизнь людей, оказывается, такой же стала, говорят. Эрлик с тех пор у людей с короткой жизнью душу-тын забирает, оказывается. Некоторые люди долгую жизнь проживают, говорят, что они слову *кудая* и вправду следовали [НПА, 2011, с. 79; текст № 2].

Люди стали подвластны ухищрениям дьявола, забирающего их души и убивающего их различными способами. Эта идея передана в диалоге Кудая с дьяволом:

После этого Кудай *кёрмёсу* говорит: Ты зачем моего человека обманул? – сказал. – Эрлик говорит: – Я хотел забрать [его у тебя], ты не отдал, – сказал. – Я воровством беру, я хитростью беру, на коне скачет [человек] – свалив с коня, беру, *араку* пьет – драться, бороться, друг друга палками бить заставляю, в воду лезет – утопив в воде, беру, на дерево лезет – с дерева упадет, беру, на скалу лезет – со скалы упадет, беру [НПА, 2011, с. 57].

Решив участь человека, Кудай, обидевшись, покинул людей, оставив вместе с ними своих помощников: Май-тере, Мангды-Шире, Шал-Дьиме, Дьякпара, – научивших людей добывать пищу [НПА, 2011, с. 53, 55]. Помощниками Кудая являются буддийские божества: Май-Тере – Майтрея, Манды-Шире – Манджушри, Шал-Дьиме – Шан-Ди, Тепкара (Дьяпкара) – Дипанкара, Бодо-Сунку – Будда.

Каждый из этих персонажей выполняет определенную функцию. Если обратиться к буддийской мифологии, то можно найти сходство имен: именем Май-Тере названа Майтрея – единственный бодхисаттва, признанный всеми направлениями буддизма, выступает бодхисаттвой девятого уровня. Май-Тере в алтайском мифе должна научить человечество всему хорошему, добывать себе пропитание, охранять и избавлять людей от зла.

Культ Майтреи был особенно популярен в странах Центральной Азии и в Гималаях. «Считается, что Майтрея в данный момент обитает в небе Тушита¹⁰, где ждет времени своего вступления в качестве будды в мир людей. Он рождается, когда длительность жизни людей достигнет 84 000 лет, и весь мир будет находиться под управлением одного справедливого буддийского правителя» [МНМ, 1988, с. 89].

Манды-Шире – алтайская огласовка бодхисаттвы Манджушри. По мифу алтайцев, Манды-Шире поручено охранять землю и небо, воевать, научить людей рыбачить, охотиться, пасти скот и т. д. Манды-Шире научил людей делать удочку, лодку, ловить рыбу, из конопли плести невод, ружье и патроны сделав, научил охотиться на белок, т. е. «по доброму слову Кудая все начал, всех всему научил» [НПА, 2011, с. 67].

В буддизме Манджушри – один из бодхисаттв, который поднял дух просветления и решил быть бодхисаттвой в сансаре до тех пор, пока не останется ни одного живого существа, нуждающегося в спасении. Он олицетворяет мудрость, и обычно его изображают красивым индийским царевичем, держащим в поднятой правой руке пылающий меч и в левой руке книгу «Праджняпарамиты». Культ Манджушри был особенно популярным в Тибете и Китае, где его образ встречается во многих легендах [МНМ, 1988, с. 102].

В мифе, зафиксированном В. И. Вербицким, Ульген сотворил Мангды-Шире:

На место Эрлика Ульген создал себе другого товарища, богатыря Мангды-Шире, чтобы он всегда был с ним и противоборствовал Эрлику. Для создания Мангды-Шире Ульген извлек из камня сок, из которого сделал металл-кулер (смесь чугуна с серебром) и устроил из него остов Мангды-Шире, крепче камня [Вербицкий, 1893, с. 113].

Именами Тепкара, Шанг-Дьиме, Поудо-Сонко Ульген называет трех мужчин, которые убежали на золотую гору (Сумеру. – *Н. О.*), не стерпев худого запаха женщины, оживленной Эрликом, и читали там книги. Ульген, дав им имена, определил задачи: Тепкара должен хранить души умерших, не давая их Эрлику, караулить до конца века; Шанг-Дьиме – охранять детей человека и животных; Поудо-Сонко – оберегать людей от напастей, войн и бед [Вербицкий, 1893, с. 116–117].

Шанг-Дьиме (Шал-Дьиме) приписывается функция охранять людей, «и после смерти души хороших людей он должен доставить на небо к Кудая, плохого человека должен оставить, он должен охранять детей человека и животных; вразумлять людей на доброе и отвращать мысли их от зла. Шанг-Дьиме (Шал-Дьиме) – алтайская огласовка буддийского Шан-ди, в древнекитайской мифологии и на-

¹⁰ Небеса Тушита (санскр. *tuṣita*, – радостные, утешенные) – в буддийской космологии одно из шести местопребываний богов (дэвов), четвертое небо, где обитают все бодхисаттвы до того, как станут буддами.

родной религии верховное божество. Представление о Шан-ди, по-видимому, зародилось в недрах шан-иньского общества во 2-м тыс. до н. э. Как полагают некоторые ученые (Дж. М. Мензис), “ди”, первоначально означавшее жертвоприношение (сожжение жертвы), позднее стало названием божества, которому приносили жертву (“ди”, по-видимому, служил также обозначением умерших предков царствующего дома, включая мифических, являвшихся его тотемом). После появления в Китае европейских миссионеров в их проповедях и в переводах Библии на китайский язык термин “Шан-ди” стал использоваться для обозначения христианского понятия “бог”» [МНМ, 1988, с. 640].

На Погдо-Сонко (Подо-Сюнью) возлагается роль охранять луну и солнце, он охранитель воинов, торговцев, путешественников. Имя Погдо (Поодо) является алтайской огласовкой имени Будда (санскр. и пали buddha – просветленный, букв. пробужденный), которое в буддийской мифологии употребляется в значениях: 1) человек, достигший наивысшего предела духовного развития, 2) антропоморфный символ, воплощающий в себе идеал предела духовного развития.

«Первоначально словом “Будда” обозначали, по-видимому, лишь Шакьямуни, но уже на самом раннем этапе развития буддизма возникла идея о других Буддах. В ранних текстах “Типитаки” упоминаются шесть Будд, которые появились до Шакьямуни, в “Буддхавансе” их число возросло до 24. Первым среди них считался Дипанкара (при нем, согласно мифу, Шакьямуни принял решение стать Буддой); Шакьямуни предшествовали Кракучханда (пали Какусандха), Канакамуни (Конагамана) и Кашьяпа (Кассапа). Довольно ранним можно считать и представление о будде грядущего мирового порядка Майтрее» [МНМ, 1988, с. 189–190].

Тепкара (Дьяпкара) – Дипанкара – велено охранять души умерших, и он, не давая их Эрлику, будет караулить до конца века. В буддизме Дипанкара – первый из Будд, при котором Шакьямуни принял решение стать Буддой [МНМ, 1988, с. 189].

Мотив «изгнания дьявола с земли» присутствует во всех алтайских легендах. В результате противостояния Ульген с помощниками прогоняет своего брата Эрлика с земли. Эрлик просит себе землю с кончик своего медного посоха. В данном сюжете реализуется идея разделения божествами сфер влияния. Воткнув посох в землю, Эрлик сделал отверстие, тогда из-под земли вылезли различные гады и болезни:

Ўч кичү карындажы эки будынын алаканынча, јес тайагын тайанып турар јерди бергиледи. Ол ло бйдб јаан аказы јес тайагын јердин алды дббн кийдире сайды. Ојто чунча тартып келерде, јетен јети јүзүн јаман оору ол үйттен чыгала, јердин үстине јайыла берди.

‘Три младших брата дали ему землю величиной в две ступни его ног, где бы он мог стоять, опираясь на свой медный посох. В это самое время старший брат свой медный посох вонзил в землю. Когда обратно его выдернул, семьдесят семь заразных болезней, из того отверстия выйдя, по земле рассеялись’ [НПА, 2011, с. 80–81].

Мотив «свержение дьявола с неба» встречается лишь в одной алтайской легенде «Как образовалась земля» [НПА, 2011, с. 81].

В тексте Радлова Ульген в первый раз делает предупреждение Эрлику: если тот будет вредить людям, обещает отправить его «под три слоя земли». В итоге Эрлика свергает помощник Кудая – Май-Тере. Решив, что несправедливо то, что Эрлик создал свое царство на небе, он низвергает его царство с неба:

Ойноткинова Н. Р. Сюжеты и мотивы о сотворении земли в мифологии алтайцев

Мангды-Шире Эрликти жуулап парган. Эрлик Мангды-Шире удура келди. Мангды-Ширени отпыла соккон, качырган. Мангды-Шире качып, јанды

‘Мангды-Шире с Эрликом пошел воевать. Эрлик Мангды-Шире навстречу пошел. Он Мангды-Шире огнем ударил, прогнал. Мангды-Шире, убежав, вернулся’ [НПА, 2011, с. 59].

Данный эпизод алтайской легенды совпадает с эпизодом русской легенды. В восточнославянских легендах Сатану с небес стряхивают при помощи Перуна, грома или сотрясения небес Богом, либо, в более поздних версиях, это делают христианские святые – архангелы Гавриил или Михаил. Сюжет о свержении Сатаны с небес достаточно многочисленный в фольклоре восточнославянских народов. В. С. Кузнецова отмечает, что «в тексте Библии нет полного и развернутого повествования о свержении Сатаны и его ангелов с небес, здесь присутствуют лишь отдельные его мотивы» [Кузнецова, 2013]. Главным источником этих легенд в славянском фольклоре является апокрифическая книжность, что свидетельствует о существовании сюжета в древнем религиозном фольклоре. Так, в восточнославянской легенде архангел Михаил повел свои войска на Сатану, который «окружил свою стоянку огненной стеной, и не может Михаил со своими войсками подойти к сатане на близкое расстояние: всех он жжет и палит огнем и пламенем. Сколько ни старался Михаил, но так и не мог подойти к стоянке Сатаны и не мог завязать с ним бой» [Белова, Кабакова, 2014, с. 27].

Мангды-Шире трижды, как и святой Михаил, отправляется воевать с дьяволом. В третий раз Мангды-Шире после благословения бога и побеждает Сатану, или Эрлика [НПА, 2011, с. 61]. В русском тексте «на третий раз после благословения и дарования архангелу Михаилу великой власти и несокрушимой силы, огонь уже действовал. Ангелы и бесы поражали друг друга мечами и копьями» [Белова, Кабакова, 2014, с. 28]. В алтайском тексте описание этого эпизода очень кратко:

Мангды-Шире јыда алды, тенерее парды, Эрликти јенди, качырды. Эрликтин тенгеризин јыдабыла оодып салды. Ончо андагы јерге тўжўрген.

‘Мангды-Шире взял копье, на небо поднялся, Эрлика победил, прогнал. Небо Эрлика копьем разбил. Все, что там было, на землю спустил’ [НПА, 2011, с. 60–61].

В алтайском мифе после того, как Эрлик ушел под землю, Юч-Курбустаны устраивают состязание, чтобы определить, кто же первым будет творить человека и все живое на земле. Рассматриваемый эпизод расширяется описанием сотворения подземного мира Эрликом:

Эрлик был сослан в землю между двумя морями, где солнце и луна не светят. Он, вернувшись оттуда, просит у Майдере разрешение сотворить себе землю, небо. Сотворив это, он просит разрешение у Ульгена создать у себя живых тварей. Вернувшись в свои владения, он сделал себе молот, наковальню, меха, клещи и все кузнечные снаряды, раскалил железо и стал бить молотом. Он наковал себе слуг и разных животных: медведя, барсука, крота. Мангды-Шире препятствует ему создавать таких животных, из-за этого у них началась борьба. В конце концов Мангды-Шире, получив благословение от Ульгена, побеждает Эрлика и свергает его под землю, разрушает его царство. Эрлик просит землю размером с посох [Вербицкий, 1893, с. 122–123].

ISSN 2410-7883

Сюжетология и сюжетография. 2020. № 1
Studies in Theory of Literary Plot and Narratology, 2020, no. 1

Эрлик создал живых тварей с помощью кузнечных мехов, молота и нако-вальни:

Кудай алгыш перген, Эрлик этти. Көрүк, кыскашты төжбөй салала, маскабыла пир сокты, маскабыла, пир пака секирип чыкты; паза пир сокты, жылан чыгып жылды, паза онын кийнде сокты – айу чыгып мантай берди, паза пир сокты – какай чыгып пады, пир сокты – алмыс чыгып жүрбө берди, сонг сокты – шулмус чыкты, анын кийнде сокты – төбө чыкты.

‘Кудай благословил, Эрлик сделал. Положив рядом кузнечные мехи, клещи, ударил молотом раз – лягушка выскочила, еще раз ударил – змея выползла, после этого еще ударил – медведь выбежал, еще раз ударил – свинья вышла, еще раз ударил – алмыс вышел, еще ударил – шулмус вышел, после этого ударил – верблюду вышел’ [НПА, 2011, с. 60–61].

По мифологическим представлениям, покровителем кузнечного ремесла у алтайцев является божество подземного мира Эрлик. Представление об этом божестве как о первом кузнеце, а также образы черных кузнецов, описываемых шаманами в текстах камланий, подтверждают существование культа кузнецов и культа железа у сибирских тюрков в прошлом.

Таким образом, для алтайских легенд о сотворении мира и человека характерна контаминация с сюжетом легенды о состязании буддийских божеств. Появление буддийских бодхисаттв вместо христианских святых в этих древних легендах позволяет лишь предположить, что сюжеты древних легенд были известны в глубоком прошлом, они могли существовать с ранними формами мировых религий, несторианством или манихейством, но могли подвергнуться забвению в более позднюю эпоху влияния буддизма. На основе этого можно говорить об эволюции мифологического сюжета.

«Буддийская» версия мифа. Для некоторых алтайских дуалистических легенд о сотворении земли характерна контаминация с «буддийской» легендой. Эта новая сюжетная версия мифа бытует среди центральноазиатских народов: монголов, бурят, калмыков. Согласно этой легенде в сотворении земли участвуют не два брата – Ульген и Эрлик, а четыре – старший брат Эрлик и Юч-Курбустаны (Три Курбустана). Братья путем спора выясняют, кто из них станет верховным божеством. Вариативность имен персонажей в этих мифах обусловлена влиянием разных религиозных традиций.

Смысл алтайских легенд становится ясным при сравнении их с легендами других народов. Сюжет о состязании божеств для первенства в правлении миром распространен среди монголов и урянхайцев, о чем свидетельствуют легенды о Бурхыне-бакши. Так, в легенде «Бурхын-бакши» (букв. «Будда-учитель»), зафиксированной в XIX в. в Монголии Г. Н. Потаниным, говорится о том, как Май-Тере, Бурхын-бакши и Шимынь-бурхын (возможно, Шакьямуни – последний земной будда) поспорили о том, кто из них станет верховным бурханом. Они устроили соревнование: в чьей чашке быстрее вырастет цветок. Первым появился цветок в чашке Май-Тере, но, когда он пошел сообщить об этом своим друзьям, Бурхан-бакшы, сорвав его цветок, воткнул его в свою чашку. Май-Тере дает согласие на то, чтобы верховным бурханом был Бурхан-бакшы. Согласившись, он сказал ему: «Пусть будет твое время править миром, но в твое время народ будет низкорослым, век будет коротким, будет время воровства!» [Потанин, 1883, с. 269].

Слово *бахши* обозначает 'учитель', наставник [ДТС, 1969, с. 82]. Монгольские буддисты так называли людей, владеющих уйгурским письмом, поэтому в XIII–XV вв. словом «бахши» называли писцов. Это слово заимствовано и в другие тюркские языки: туркм. *bagsy*; узб. *baxshi*; каракалп. *baxsi*; каз. *баксы*; кирг. *башиы* – народный певец, исполнитель фольклора у тюркских народов Средней Азии, обычно выступает на праздниках.

В другой легенде, записанной от хадхасца-ламы, сохраняется тот же сюжет о подмене горшка с цветком:

Теперь время Бурхынъ-бакшы. Май-Тере и Бурханъ-бакшы сидѣли вмѣстѣ; передъ каждымъ была золотая чашка, совершенно одинаковая; Май-Тере держалъ ее дномъ книзу, Бурхынъ-бакши дномъ кверху. Задремали боги и заснули. Бурхынъ-бакши проснулся прежде и перемѣнилъ положеніе чашекъ; себѣ поставилъ вврехъ дномъ, а у Май-Тере дномъ внизъ. Май-Тере узналъ и сказалъ: «Ты своровалъ. Твое время будетъ воровское» [Потанин, 1883, с. 269].

В этих произведениях отрицательный персонаж, ворующий цветок у своих братьев, так же как и они, называется бурханом, т. е. невидимым духом. Этиологическая концовка объясняет, как появилось воровство.

В одной бурятской легенде главными персонажами являются бодхисаттвы – Майтрейя и Манчжури. Между ними завязался спор о том, кто будет «ведать» этой Вселенной и ее обитателями (иначе кальпой):

Поставили друг перед другом чаши с водой и решили медитировать, в чьей чаше из воды зародится цветок – тому и достанется кальпа. Сколько сидели, неизвестно, но глаза у них должны были быть закрытыми. Через какое-то время Манчжури раскрыл глаза и увидел, что в чаше его соперника взошел цветок. Он поменял чаши местами. Когда настало время подведения итогов, Майтрейя сказал Манчжури: «Так и быть, пусть галаб будет твоим, но учти, люди твоей кальпы будут жить недолго, и будут склонны к воровству» [Цыденова, 2009, с. 102].

Кальпа (калпа; санскр. «порядок», «закон») – цикл существования Вселенной в буддизме или единица измерения времени в индуизме и буддизме. Этот термин заимствован поздними буддистами из индуизма и был иначе истолкован. По мнению буддистов, каждая кальпа включает в себя этапы разрушения мира огнем, водой и ветром, стабильности, возрождения и разворачивания мира. В основе понятия «кальпа» лежит эсхатологический мотив о том, что в конце каждого цикла Вселенная разрушается, и все начинается сначала. Причина мирового цикла – грехи живых существ. Каждый из четырех этапов делится на 20 последовательных моментов, или ступеней.

Понятие «кальпа» перешло в язык тюркских и монгольских народов из буддизма: бур. *галаб*, алт. *калан*, тув. *халап*. В алтайском языке слово *калан* означает 'стихия, катастрофа' (например, *от-калан* 'огонь-стихия').

В бурятской легенде 3 бурхана – Майдари-бурхан, Шибэгэни-бурхан (Шакьямуни), Эсэгэ-бурхан – являются создателями всего живого на земле. Они, увидев птицу, которая в клюве принесла глину, сотворили из этой глины мужчину и женщину, кости сделали из камней, а кровь – из воды. Потом они решили: кто из них оживит, тот и будет им покровительствовать. Перед собой поставили по свечке и по горшку; когда на следующее утро проснутся, тогда, чья свечка будет гореть и в чьем горшке вырастет цветок, тот должен оживить людей. Раньше всех

проснулся Шибэгэни-бурхан. Он посмотрел – свечка перед Майдари-бурханом горит и в горшке его вырос цветок. Тогда Шибэгэни-бурхан зажег свою свечку, а свечку Майдари-бурхана потушил. Цветок выдернул и посадил в свой горшок и снова лег спать. Когда все трое проснулись, увидели, что свечка перед Шибэгэни-бурханом горит, а из горшка его вырос цветок, тогда решили, что оживил людей Шибэгэни-бурхан. Но Майдари-бурхан узнал, что Шибэгэни-бурхан украл у него цветок и огонь, а потому он сказал Шибэгэни-бурхану: «Ты украл у меня цветок и огонь, а потому оживленные тобой люди будут красть и ссориться!» Вот почему нынешние люди крадут и ссорятся (цит. по: [Базарова, 2000, с. 34]).

В бурят-монгольских мифах Майдари-бурхан, Шибэгэни-бурхан, Эсэгэ-бурхан называют бодхисаттвы Майтрею и Шакьямуни, а также Будду (Эсэгэ – монг. отец, Эсэгэ-бурхан – Отец-Бурхан).

В алтайском тексте «Бырканы» («Быркандар»), записанном в XX в., Быркан и Абы-Быркан (Эрлик) спорят, кто из них станет править миром:

Два брата – бырканы спорили о том, кому подняться к верховному быркану. Они устроили состязание: у кого в чашке вырастет цветок, тот и поднимется. Младший брат подменил чашку, когда старший брат вышел, а в его чашке вырос цветок. Младший поднялся к верховному быркану, а старший спустился к Абы-быркану. Старший, побывав у Абы-быркана, вернулся, чтобы взять душу человека (сотворенного младшим братом). Собака сторожила его. Абы-быркан (так именуется далее старший брат), придя, сказал: «Пусть мертвые станут моими подданными, а живые – подданными верхнего *быркана*! Пусть будет борьба и смерть! (*Улгднийи менийи болзын, тирүзи – быркандыйи болзын! Улүштү-тьарышту болзын!*)». И ушел. Верхний быркан (т. е. младший брат), возвратившись, увидел, что люди оживлены [НПА, 2011, с. 410].

Троичность Юч-Курбустанов возникла на основе фольклорной традиции буддийской мифологии. Трансформация или замена значения имени древнеиранского божества Курбустан тремя буддами из другой религиозной системы (Майдари-бурхан, Шибэгэни-бурхан (Шакьямуни), Эсэгэ-бурхан) в алтайской мифологии приводит к изменению семантики первоначального теонима Курбустан и пониманию его как троичного божества.

Курбустан-*быркан*, его [Эрлика] брат, сказал: – Пока народ будет жив, моим будет. Умершие – брата Эрлика будут, – так сказав, нацелившись на синеву с луной-солнцем, поднялся на небо. С тех пор младший из трех братьев Юч-Курбустанов – Курбустан-*быркан* стал [распоряжаться людской] судьбой. Он, зная виновных, управлять народом стал, оказывается. Среднему брату Ульгену-*быркану* было предопределено иметь большую родовую гору, именуемую Ульген. Его народ стал духу-хозяину Алтая верить, принося этой родовой горе Ульген жертвоприношения, стал благословлять его. В Нижнем мире правящим Эрлик-бий стал [НПА, 2011, с. 99].

Таким образом, в алтайской фольклорной традиции существуют две версии мифа о сотворении мира и человека: первая – дуалистическая (языческая), вторая – «буддийская». Дуалистический миф может контаминировать с буддийской версией мифа, в которой главные божества Уч-Курбустаны и их антагонист Эрлик ведут споры о том, кому править миром. Для дуалистической версии мифа характерны теонимы шаманской мифологии алтайцев: светлое божество Ульген и темное божество Эрлик, который в зооморфном облике гуся достает почву

со дна океана. Мифы дуалистической интерпретации сотворения мира содержат в своей повествовательной ткани мотивы: ныряние за землей; сотворение земли; сотворение человека; собака охраняет тело человека; осквернение тела человека; пролитый эликсир бессмертия; потерянный рай; свержение дьявола с неба. В рассмотренных вариантах мифа наблюдается влияние мифологии буддизма.

Список литературы

- Анохин А. В.* Материалы по шаманству у алтайцев (собранные во время путешествий по Алтаю в 1910–1912 гг. по поручению Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии) / Предисл. С. Е. Малова. Л.: Изд-во РАН, 1924. 152 с.
- Базарова М. Д.* Космогонические мотивы в бурятской мифологии: Дис. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ, 2000. 152 с.
- Басилов В. Н.* Избранники духов. М.: Политиздат, 1984. 208 с.
- Баскаков Н. А., Яимова Н. А.* Шаманские мистерии Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1993. 121 с.
- Белова О. В.* Славянские «библейские» легенды: от книжного источника к фольклорному нарративу // Первый Всероссийский конгресс фольклористов. Сборник докладов. М.: Гос. республ. центр русского фольклора, 2006. Т. 2. С. 271–289.
- Белова О. В., Кабакова Г. И.* У истоков мира: Русские этиологические сказки и легенды. М.: ФОРУМ НЕОЛИТ, 2014. 528 с.
- Березкин Ю. Е.* Сибирско-южноазиатские фольклорные параллели и мифология Евразийской степи // Археология, этнография и антропология Евразии. 2012. № 4 (52). С. 144–153.
- Березкин Ю. Е.* Африка, миграции, мифология. Ареалы распространения фольклорных мотивов в исторической перспективе. СПб.: Наука, 2013. 320 с.
- Березкин Ю. Е.* Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам. 2017. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin/> (дата обращения 08.08.2020).
- Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Russian Orthodox Bible, 1991.
- ДТС – *Наделяев В. М., Насилов Д. М., Тенишев Э. Р., Щербак А. М.* Древнетюркский словарь. Л.: Наука, 1969. 676 с.
- Кузнецова В. С.* Дуалистические легенды о сотворении мира в восточнославянской фольклорной традиции. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1997. 250 с.
- Кузнецова В. С.* Легенды о свержении Сатаны с небес: мотивы славянской фольклорной Библии в рукописной книжности // Сибирский филологический журнал. 2013. № 4. С. 5–13.
- Кызласов Л. Р.* Сибирское манихейство // Этнографическое обозрение. 2001. № 5. С. 83–90.
- Мелетинский Е. М.* Поэтика мифа. 4-е изд., репринт. М.: Вост. лит., 2006. 407 с. (Исследования по фольклору и мифологии Востока)
- МНМ – Мифы народов мира: Энциклопедия: В 2 т. / Гл. ред. С. А. Токарев. – 2-е изд. М.: Сов. энциклопедия, 1988. Т. 2: К–Я. 719 с.
- Напольских В. В.* Мифология и народная религия удмуртов (введение) // Очерки по этнической истории. Казань: ИД «Казанская недвижимость», 2015. С. 395–420.

Цыденова Д. Ц. Представления агинских бурят о жизни и смерти (конец XIX – начало XXI в.). Новосибирск, 2009. 194 с.

Список источников

Вербицкий В. В. Алтайские инородцы. М.: Этнограф. отд. Имп. об-ва любителей естествознания и антропологии, состоящий при Моск. ун-те, 1893. 386 с.

НПА – Несказочная проза алтайцев / Сост. Н. Р. Ойноктинова, И. Б. Шинжин, К. В. Яданова, Е. Е. Ямаева. Новосибирск: Наука, 2011. 576 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 30)

Радлов, 1866 – Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Джунгарской степи, собранные В. В. Радловым. СПб.: Тип. Имп. АН, 1866. Ч. 1: Поднаречия Алтая.

Потанин Г. Н. Очерки Северо-Западной Монголии. СПб., 1883. Вып. 4. 944 с.

References

Anokhin A. V. Materialy po shamanstvu u altaytsev (sobrannye vo vremya pute-shestviy po Altayu v 1910–1912 gg. po porucheniyu Russkogo Komiteta dlya izucheniya Sredney i Vostochnoy Azii) [Materials on shamanism in Altai (Materials collected during expeditions to the Altai in 1910–1912 on behalf of the Russian Committee for the Study of Central and East Asia)]. Leningrad, RAS Publ., 1924, 151 p. (in Russ.)

Basilov V. N. Izbranniki dukhov [Chosen Spirits]. Moscow, Politizdat, 1984, 208 p. (in Russ.)

Baskakov N. A., Yaimova N. A. Shamanskiye misterii Gornogo Altaya [Shamanic Mysteries of Altai Mountains]. Gorno-Altaysk, Gorno-Altai printing house, 1993, 121 p. (in Russ.)

Bazarova M. D. Kosmogonicheskiye motivy v buryatskoy mifologii [Cosmogonic motives in Buryat mythology]. Cand. of Art Diss. Ulan-Ude, 2000, 152 p. (in Russ.)

Belova O. V. Slavyanskiye “bibleyskiye” legendy: ot knizhnogo istochnika k fol’klornomu narrativu [Slavic “biblical” legends: from a book source to a folklore narrative]. In: Pervyy Vserossiyskiy kongress fol’kloristov. Sbornik dokladov [The First All-Russian Congress of Folklorists. Collection of reports]. Moscow, Gosudarstvennyy respublikanskiy tsentr russkogo fol’klora Publ., 2006, vol. 2, p. 271–289. (in Russ.)

Belova O. V., Kabakova G. I. U istokov mira: Russkiye etnologicheskiye skazki i legendy [At the source of the world: Russian etiological tales and legends]. Moscow, FORUM NEOLIT Publ., 2014, 528 p. (in Russ.)

Berezkin Yu. E. Sibirsko-yuzhnoaziatskiye fol’klornyye paralleli i mifologiya Evraziyskoy stepi [Siberian-South Asian folklore parallels and mythology of the Eurasian steppe]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii*, 2012, no. 4 (52), p. 144–153. (in Russ.)

Berezkin Yu. E. Afrika, migratsii, mifologiya. Arealy rasprostraneniya fol’klornyykh motivov v istoricheskoy perspektive [Africa, migration, mythology. Areas of distribution of folklore motives in a historical perspective]. St. Petersburg, Nauka, 2013, 320 p. (in Russ.)

Berezkin Yu. E. Tematicheskaya klassifikatsiya i raspredeleniye fol’klorno-mifologicheskikh motivov po arealam [Thematic classification and distribution of folklore and

mythological motifs by area]. 2017. (in Russ.) URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin/> (accessed 08.08.2020).

Bibliya. Knigi Svyashchennogo Pisaniya Vetkhogo i Novogo Zaveta [Bible. Scripture Books of the Old and New Testaments]. Russian Orthodox Bible, 1991. (in Russ.)

Kuznetsova V. S. Dualisticheskiye legendy o sotvorenii mira v vostochnoslavianskoy fol'klornoy traditsii [Dualistic legends about the creation of the world in the East Slavic folk tradition]. Novosibirsk, SB RAS Publ., 1997, 250 p. (in Russ.)

Kuznetsova V. S. Legendy o sverzhenii Satany s nebes: motivy slavyanskoj fol'klornoy Biblii v rukopisnoj knizhnosti. *Siberian Journal of Philology*, 2013, no. 4, p. 5–13. (in Russ.)

Kyzlasov L. R. Sibirskoye manikheystvo [Siberian Manichaeism]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2001, no. 5, p. 83–90. (in Russ.)

Meletinsky E. M. Poetika mifa [Poetics of myth]. 4th ed. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2006, 407 p. (in Russ.) (Issledovaniya po fol'kloru i mifologii Vostoka)

Mify narodov mira [Myths of the peoples of the world]. In 2 vols. Ed. by S. A. Tokarev. 2nd ed. Moscow, Sovetskaya Entsiklopediya Publ., 1988, vol. 2, 719 p. (in Russ.)

Nadelyayev V. M., Nasilov D. M., Tenishev E. R., Shcherbak A. M. Drevnetyurkskiy slovar' [Ancient Turkic dictionary]. Leningrad, Nauka, 1969, 676 p. (in Russ.)

Napolskikh V. V. Mifologiya i narodnaya religiya udmurtov (vvedeniye) [Mythology and folk religion of the Udmurts (introduction)]. In: Ocherki po etnicheskoy istorii [Essays on ethnic history]. Kazan, Kazanskaya nedvizhimost' Publ., 2015, p. 395–420. (in Russ.)

Oynotkina, N. R., Shinzhin, I. B., Yadanova, K. V., Yamayeva, E. E. Neskazochnaya proza altaitsev [Non-folktale prose of the Altaians]. Novosibirsk, Nauka, 2011, 576 p. (in Russ.) (Pamyatniki folklora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka. Vol. 30).

Tsydenova D. Ts. Predstavleniya aginskikh buryat o zhizni i smerti (konets XIX – nachalo XXI v.) [The representations of the Agin Buryats about life and death (late 19th – early 21st centuries)]. Novosibirsk, 2009, 194 p. (in Russ.)

List of Sources

Neskazochnaya proza altaitsev [Non-folktale prose of the Altaians]. Comp. N. R. Oinotkina, I. B. Shinzhin, E. E. Yamaeva. Novosibirsk, Nauka, 2011, 576 p. (Pamyatniki folklora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka. Vol. 30) (in Russ.)

Obraztsy narodnoi literatury tyurkskikh plemen, zhivushchikh v Yuznoi Sibiri i Dzhungarskoi stepi, sobrannye V. V. Radlovym [Samples of folk literature of the Turkic tribes living in southern Siberia and the Dzungarian steppe, collected by V. V. Radlov]. St. Petersburg, 1866, pt. 1. (in Russ.)

Potantin G. N. Ocherki Severo-Zapadnoi Mongolii [Essays on Northwest Mongolia]. St. Petersburg, 1883, iss. 3, 944 p. (in Russ.)

Verbitsky V. V. Altayskie inorodtsy [Altai aliens]. Moscow, 1893, 386 p. (in Russ.)

Сюжет в литературе и фольклоре

Сведения об авторе

Ойноткинова Надежда Романовна – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Лаборатории вербальных культур Сибири и Дальнего Востока Института филологии СО РАН (Новосибирск, Россия)

sibfolklore@mail.ru

ORCID 0000-0002-5767-7085

ResearcherID K-2125-2017

Information about the Author

Nadezhda R. Oinotkinova – Doctor of Philology, Leading Researcher at the Laboratory of the verbal cultures of Siberia and the Far East, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)

sibfolklore@mail.ru

ORCID 0000-0002-5767-7085

ResearcherID K-2125-2017

ISSN 2410-7883

Сюжетология и сюжетография. 2020. № 1

Studies in Theory of Literary Plot and Narratology, 2020, no. 1